

КОСЫГИНСКАЯ РЕФОРМА: РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ?

Насколько радикальным был замысел советской реформы 1960-х годов и в чем состояли причины ее фиаско? Заключались ли они в «органической» несостоятельности плановой системы или в неумении реформаторов задействовать в новых условиях ее потенциал? По этим вопросам, среди прочих поднятым в прошлогодней статье Ю.М. Голанда и А.Д. Некипелова о косыгинской реформе и хотелось бы тезисно высказаться, откликаясь на призыв редакции к дискуссии¹.

1. Плановая система перед новыми вызовами. Выдающиеся успехи централизованного директивного макропланирования в период индустриализации страны признавались не только советскими, но и ведущими зарубежными обществоведами. Вот, в частности, небезызвестный пассаж всемирно знаменитого экономиста Дж. Гэлбрейта: «Когда было необходимо сломать феодальную структуру царской России путем передачи земли, власти, перераспределения доходов, социализм добился значительных успехов. Когда страна перешла к созданию громадной индустриальной структуры — металлургических заводов, систем электрификации, транспортной сети, топливной промышленности, то, несомненно, система планирования, указания, исходящие от министерств и Госплана, опять же оказались весьма эффективными. В конце концов именно таким образом была создана великая индустриальная держава»². Еще более широко известна афористичная оценка достижений СССР, данная британским историком И. Дойчером (хотя часто приписываемая У. Черчиллю): «В течение последних трех десятилетий лицо России начало меняться. Суть подлинно исторических достижений Сталина состоит в том, что он принял Россию с сохой, а оставляет с ядерными реакторами»³.

В общем, специфически мобилизационные задачи 30—50-х годов прошлого столетия — индустриализационные, военно-хозяйственные и послевоенно-восстановительные — были успешно решены специфически адекватными же — централизованно-директивными (при помощи всеобъемлющих «указаний, исходящих от министров и Госплана») — методами реализации макроплани-

Рустам Раулевич Гумеров, кандидат экономических наук, заведующий сектором АПК и потребительского рынка Института макроэкономических исследований; *Алла Дмитриевна Крюкова*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник этого сектора.

¹ Речь идет о предложении редакции обсудить спектр проблем, затронутых в публикации: Голанд Ю., Некипелов А. Косыгинская реформа: упущенный шанс или мираж? // Российский экономический журнал. — 2010. — № 6 (см.: там же. — С. 65–66). Реакцией на некоторые сюжеты этой публикации уже стали статья А.Б. Любинина «Классический социализм и практика социализма: непреодоленная сложность кажущейся простоты» в № 1 за 2011 г. и перепечатка статьи А.Ю. Мелентьева «О версии «кооперативного социализма» и не только о ней» в № 4 за 2011 г. — **Ред.**

² Цит. по: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtmi?cmd=add&cat=3&id=156>.

³ Цит. по: <http://voxfree.narod.ru/aphorism/policy.html>.

рования. Однако на рубеже 1950–1960-х годов СССР оказался перед стратегическим императивом переориентации народного хозяйства с этих задач на задачи долгосрочного социального развития, базируемого на неуклонном росте эффективности общественного производства. Системе планового управления предстояло, *во-первых*, обеспечить структурный разворот экономики в пользу «второго подразделения общественного продукта» (в терминологии марксовой теории общественного воспроизводства). Соответственно, *во-вторых*, — «встроить» в себя рычаги автоматического, постоянно возобновляющегося интенсивного (в противоположность имевшему место экстенсивному) народнохозяйственного роста, отвечающего динамичному изменяющимся потребностям общества. Так, если сугубо индустриализационные (и другие мобилизационные) целеполагания было относительно просто «переводить на язык» объемных показателей, планируемых «от достигнутого» (контроль за их выполнением тоже не вызывал принципиальных затруднений), то многовариантность новых, куда более сложно декомпозируемых, установок определяла и необходимость «переваривания» несравнимо большего массива экономической информации о взаимосвязях отраслей и производственно-хозяйственных единиц. Далее, надлежало гораздо интенсивнее использовать личные мотивы и интересы производителей, ибо прежние методы экономического принуждения, тесно сочетавшиеся с патриотическим энтузиазмом большинства населения страны, уже не вполне соответствовали духу решавшихся задач. Обострился и вопрос о перераспределении управленческих функций между «общественно-экономическим центром и хозрасчетными предприятиями», допустимой мере такого перераспределения. Наконец, требовалось решить проблему своевременного реагирования на изменения общественного спроса, выстроить цепочки мобильного доведения экономических сигналов от потребителей к производителям; главным препятствием здесь служила жесткая «неповоротливая» схема директивного ценообразования на всю номенклатуру производимых товаров и оказываемых услуг.

Способна ли была плановая система *как таковая*, а не первая (если не считать периода нэпа) фактически утвердившаяся, мобилизационная, ее версия, ответить на указанные вызовы? «Интеллектуально модный» однозначно отрицательный ответ на сформулированный вопрос, кроме прочего, означает отождествление этой системы — научно спрогнозированной Марксом имманентной посткапитализму (коммунизму, включая его первую, социалистическую, фазу) формы сопряжения структуры общественного производства и структуры общественных потребностей, исторически альтернативной как свойственной докапиталистическим формациям натуральной, так и присущей капитализму товарной (рыночной) формам их сопряжения, — с конкретными специфическими процедурами составления макропланов советскими специалистами в 1930–1950-х годах и с конкретными же тогдашними методами контроля исполнения планов. Но неужели можно всерьез полагать, что *именно эти*, в решающей мере вынужденные уникальными, поистине смертельными, внешними и внутренними угрозами национальной безопасности, *процедуры и методы осуществления планового процесса* (связанные с гипертрофией личностно-волевого начала в деятельности «общественно-экономического центра», с перенапряжением сил народа, социальными эксцессами, с человеческими трагедиями, и т.д.⁴) и суть

⁴ В контексте данного сюжета представляют, на наш взгляд, интерес соображения, изло-

та самая — ближайшим образом выражающая в сфере производственных отношений генеральную тенденцию роста общественного характера производительных сил и такой императив их развития, как «экономия труда централизацией», *планомерная («за счет всего общества и от его имени» демократически-централистская и априори гуманистически нацеленная) организация производства и воспроизводства*, теория которой (в составе системы политэкономических идей классического социализма) столь мощно повлияла на ход всемирной истории в XX столетии?!

2. Не ломка, а реконструкция. Отождествления, о котором идет речь, не допускали идеологии экономических реформ, проводившихся, начиная с рубежа 1950—1960-х годов, во всех восточноевропейских социалистических странах (естественно, с разной интенсивностью и с различными нюансами). Так, один из самых известных чехословацких реформаторов О. Шик, признав впоследствии несостоятельность первоначального упрощенного восприятия коммунистами этих стран задач социалистического строительства⁵, тем не менее четко заявил, что реформы в ЧССР никоим образом не нацеливались на уничтожение системы планового управления экономикой. Речь, согласно Шику, шла лишь о замене вышеупомянутой советской мобилизационной модели планирования, механически воспринятой в послевоенный период в соцстранах Восточной Европы: «Основная работа нашего коллектив была направлена на определение нового способа планирования народного хозяйства, которое мы все считали необходимым, поскольку не хотели, чтобы введение рыночного механизма сопровождалось возникновением негативных процессов, присущих капиталистической системе хозяйства»⁶.

Был ли А.Н. Косыгин принципиально более либеральным, нежели его восточноевропейские «визави», реформатором, приверженцем рыночно-капиталистического перерождения советской экономики? Иными словами, являлся ли он, как формулирует дилемму редакция, «скрытым «супердиссидентом-рыночником» (а именно так, действительно, можно понять Ю.М. Голанда и А.Д. Некипелова, утверждающих в заключение своей статьи, что «вектор» косыгинской реформы «имел ярко выраженное рыночное направление» и что в результате последовательной реализации ее замысла «в стране уже в шестидесятые — семидесятые годы прошлого века

женные в разделе 4 «Конкретно-исторические условия формирования практического социализма» статьи А.Б. Любинина «Классический социализм и практика социализма: непреодоленная сложность кажущейся простоты» (№ 1 «Российского экономического журнала» за 2011), а также в разделе 3 «Спасительный омут индустриализации страны» статьи этого автора «Россия в геополитическом разломе кануна Второй мировой войны» (№ 9-10 журнала за 2009 г.), где, в частности, с современных позиций комментируются материалы книги «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» председателя Госплана и первого заместителя председателя советского правительства Н.А. Вознесенского, которого справедливо называют «стратегом экономической победы над фашизмом и восстановления народного хозяйства».

⁵ Например, в докладе, прочитанном в 1970 г. в ФРГ (вскоре после эмиграции из ЧССР), он сообщил: «Мы считали, что достаточно лишь упразднить буржуазную власть, капиталистическую собственность, ввести планирование, как сразу воцарится порядок и все станет лучше, чем было раньше» (цит. по: <http://www.belotserkovsky.ru/journey/toc/index.html>). Нельзя не поддержать в этой связи призыв А.Б. Любинина к разрыванию на основе анализа истории «практического социализма» марксова тезиса о разграничении и диалектике «отрицательного» и «положительного упразднения капитализма» (см. Российский экономический журнал. — 2011. — С. 42, 54—55 и др.).

⁶ Цит. по. Травин Д. Великие реформаторы. Ота Шик — коммунист с человеческим лицом. — <http://www.idelo.ru/520/22.html>.

сложилось бы динамично развивающееся социально ориентированное рыночное хозяйство», причем вопрос о том, «можно ли было бы называть такую экономику социалистической», по их мнению, — «вопрос определений») или прав помощник А.Н. Косыгина в 1961—1980 гг. Ю.В. Фирсов, который в своем написанном к 100-летию со дня рождения «шефа» пространном историко-аналитическом очерке «Косыгин и его время» (фрагментарно перепечатанном в 2004 г. «Российским экономическим журналом») критикует позицию тех, кто «рассматривает реформу 1965 г. как первый (нерешительный, слишком робкий и непоследовательный) шаг в сторону рыночной экономики, усматривая в соответствующих косыгинских обоснованиях предвидение вектора экономического развития постсоветской России», и который полагает, что «такая оценка неверна»⁷?

Прежде всего напомним о том, что Косыгин был назначен на пост Председателя Совета Министров СССР в октябре 1964 г., а уже в марте следующего года, т.е. всего через пять месяцев, был проведен «исторический», т.е. фактически положивший начало хозяйственной реформе 1965 г., пленум ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства. Мягко говоря, сомнительна возможность выработать за такой короткий срок концепцию и механизм реализации не то что сверхрадикальной, но и вообще какой-либо серьезной экономической реформы. Уже отсюда следует, что Косыгин проявил себя в 1965 г. вовсе не как теоретик-либерал, а как советский хозяйственник-прагматик, реализовавший исходя из собственного опыта и на основе «здравого смысла» некие уже имевшиеся наработки. Более того, есть основания полагать, что даже реформационный проект предыдущего руководителя советского правительства Н.С. Хрущева носил куда более либеральный характер⁸.

К сожалению, если в постсоветских публикациях историко-ретроспективного характера мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС, обсуждавший тему «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства», так или иначе упоминается, то обычно вне контекста реформы, о которой идет речь (в отличие от состоявшегося пять месяцев спустя сентябрьского партплenums того же года, рассматривавшего вопрос «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства»). Между тем именно на нем впервые на высшем официальном уровне прозвучала та максима, что в руководстве народным хозяйством (а не только его аграрным сектором) необходимо более полно использовать такие экономические рычаги, как цена, прибыль, кредит. И хотя данный тезис-вывод был изъят из публикации стенограммы мартовского пленума⁹, после его воспро-

⁷ Российский экономический журнал. — 2011. — С. 65—66.

⁸ Так, редакцией справедливо констатировалось: Косыгин занимался восстановлением после хрущевской «совнархозовской эпопеи» централизованной министерской системы управления отраслями (об этом речь еще пойдет). Факты далее, таковы, что в порядке начала реализации задуманной Хрущевым хозяйственной реформы, связанной с ориентацией предприятий на прибыль, в начале 1960-х годов в стране проводился соответствующий эксперимент — с участием сорока промышленных предприятий разных отраслей (от швейной фабрики «Большевичка» до крупных химических производств) и ряда совхозов. А применительно к политической сфере вынашивались даже совсем «крамольные» планы относительно создания помимо КПСС других партий, в частности, крестьянской (см.: Хрущев С. Никита Сергеевич был рыночником и выступал за многопартийность//Эхо планеты. — 2010. — № 19)

⁹ См.: Шевельков А. Аграрная политика СССР второй половины XX века (по документам ЦК КПСС)//Вестник архивиста. — 2010. — № 1.

изведения на пленуме сентябрьском¹⁰ первый из этих форумов высшего органа КПСС стали официально оценивать (и оценивали до «поздней перестройки») так: «Значение решений Пленума ЦК КПСС вышло далеко за рамки сельского хозяйства. Основной их смысл состоял в том, чтобы полнее учитывать и использовать в руководстве хозяйством экономические законы социализма, повышать роль экономических рычагов и развивать материальную заинтересованность трудящихся в результатах своего труда, совершенствовать систему планирования и расширять оперативно-хозяйственную самостоятельность производственных коллективов».¹¹

Концепция реформы-1965 предполагала решение упоминавшейся выше (в первом разделе настоящей публикации) проблемы «переваривания» нарастающих объемов экономической информации посредством сокращения числа плановых показателей, их агрегирования и использования интегрального показателя прибыли (рентабельности). При этом имелась, не секрет, и идейная альтернатива данной реформе, связанная с развертыванием «общегосударственной автоматизированной системы управления экономикой» (ОГАС), первоначальный вариант которой, кроме информационной «подсистемной» составляющей, включал подсистему математических моделей (собственно для управления экономикой) и подсистему безденежных расчетов населения¹². По иронии судьбы задача разработки ОГАС была поставлена перед академиком В.М. Глушковым еще в 1962 г. именно Косыгиным (первым заместителем главы союзного правительства), коим же позднее проект был отвергнут. И отвергнут вовсе не по каким-либо идейно-теоретическим соображениям, а по сугубо прагматическим мотивам. Первый из них был связан с ожидавшимися высокой затратностью и длительностью периода реализации — именно в сравнении с «экономической реформой». Согласно предварительным расчетам, выполнение проекта ОГАС обошлось бы в 20 млрд. руб. и заняло бы три пятилетки, а сулимые авторами рабочей схемы проекта грандиозные перспективные выгоды выглядели «журавлем в небе». На этом фоне «экономическая реформа» показалась «синицей в руке», ибо эксперты нового руководителя советского правительства утверждали, что реформа будет стоить не дороже, чем бумага, на которой будет напечатано соответствующее постановление Совета Министров, а результаты обеспечит и бóльшие, и гораздо более скорые.

Второй мотив «демобилизации» ревнителей развертывания ОГАС, по-видимому, «антиконкурентный», т.е. сопряженный с опасениями относительно того, что предусматривавшийся этим проектом «Госкомитет по совершенствованию управления (Госкомупр)» окажется в состоянии эволюционировать в дееспособный институт

¹⁰ Как известно, в своем докладе на сентябрьском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС А.Н. Косыгин обозначил три главных направления преобразований: 1) повышение научного уровня государственного планирования экономики; 2) расширение хозяйственной самостоятельности и инициативы предприятий, укрепление хозрасчета; 3) усиление экономического стимулирования производства с помощью цены, прибыли, премий и кредита.

¹¹ История Коммунистической партии Советского Союза / Б.Н. Пономарёв, М.С. Волин, В.С. Зайцев и др. 7-е изд. — М.: Политиздат, 1984. — С. 584. С текстами документов мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС можно ознакомиться, в частности на сайте: <http://kprf.ru/crisis/edros/go860html>.

¹² См. Глушков В.М. Что скажет история? — http://www.situation.ru/app/j_art_333.htm. См. также: Швецов А. «Информационное общество»: теория и практика становления в мире и в России. Статья 2, Всеобщая информатизация как модернизационный проект: по плечу ли она современной России?//Российский экономических журнал. — 2010. — № 5. — С. 17.

контроля меры обоснованности и эффективности макропланов, разрабатываемых Госпланом и Совмином. И это — в ситуации резкого властно-управленческого «утяжеления» последнего: стоит напомнить, что одновременно с сокращением количества директивных показателей и расширением хозяйственной самостоятельности предприятий А.Н. Косыгиным восстанавливалась министерская вертикаль управления народным хозяйством (с ликвидацией прежней системы совнархозов, в рамках которой министерства функционировали в лучшем случае в качестве комитетов отраслевого технического контроля).

Таким образом, «косыгинская реформа» была намечена точно в том направлении и ровно в тех рамках, которые ее субъект посчитал необходимыми и достаточными для повышения эффективности народнохозяйственного планирования, но отнюдь не для его упразднения (на которое в качестве реформационной цели «глухо» намекается в преамбуле и, как уже отмечалось, вполне прозрачно — в заключительных абзацах статьи «Косыгинская реформа: упущенный шанс или мираж?»¹³).

3. Почему «захлебнулась» реформа. Обобщая довольно многочисленные разновременные публикации на сей счет и опираясь, в частности, на «фактуру», приводимую в статье Ю.М. Голанда и А.Д. Некипелова, можно выделить следующие три существенные причины (которые в свою очередь генерировали причины производные и побочные). Первая — воздействие внешних, прежде всего геополитических, факторов, предопределявшее отвлечение огромных ресурсов на упрочение военного потенциала страны и поддержания статуса великой мировой державы. Вторая — сосуществовавшие разнородных элементов в «управляемой» системе (если угодно, — наличие в тогдашней советской экономике «двух экономик»), требовавшее от системы «управляющей» задействования различных регулятивных инструментов. Речь идет прежде всего о сохранении в народном хозяйстве крупных проблем, по-прежнему требовавших планово-«мобилизационных» решений (достаточно указать на императивы ликвидации «асимметрии» пространственного развития нашей уникальной страны, связанные с необходимостью дотирования конкретных территорий, скажем, финансирования высокзатратных программ комплексного развития сибирско-дальневосточного макрорегиона). В рамках косыгинской реформы не удалось адекватно отреагировать на сосуществование «двух экономик», разграничить механизмы их регулирования, избежать переноса на «новую экономику» командно-директивных методов (не удалось, в частности, развернуть бесфондовую оптовую торговлю, искоренить практику волонтаристского пересмотра «спускаемых сверху» плановых показателей).

Третья же, и, думается, главная причина состояла в отсутствии целостного концептуального обоснования реформы, обернувшегося отсутствием и адекватных ее замыслу механизмов реализации народнохозяйственных планов. Так, при сохранении сугубо директивного ценообразования цены по-прежнему строились по затратному принципу, не пересматривались на протяжении нескольких плановых периодов и соответственно не могли исполнять роль исковой «сигнальной системы, связывающей производителя с потребителем. В какой-то мере директивное ценообразование взяло на себя роль «теневого командно-административного центра», хотя по сути своего замысла реформа была призвана расширить самостоятельность предприятий при адекватном

¹³ См.: Российский экономический журнал. — 2010. — С. 44, 64—65.

усилении их экономической ответственности. Одно из ближайших следствий здесь — невозможность использования ни объема реализованной продукции, ни прибыли в качестве объективных экономических ориентиров. А отсюда и пресловутые «вымывание дешевого ассортимента», «рост затрат», «дефицит (или, наоборот, «затоваривание»), «опережающее рост производительности труда повышение заработной платы».

Все это становилось результатом мощной инерции поверхностно-ложного толкования принципа планового ценообразования как принципа «стабильности цен», несовместимого с гибким рыночным ценообразованием. Рыночное ценообразование подразумевает достижение ценового равновесия посредством многократных стихийных итераций, а ценообразование плановое — обеспечение подобной равновесной ситуации путем сознательного изменения ценовых пропорций в качестве составляющей (элемента) народнохозяйственного планирования. «Встраивание» алгоритма гибкого ценообразования в процесс централизованного макроэкономического планирования вполне мыслимо теоретически и реализуемо практически. Однако задачу освоения гибкой системы ценообразования реформаторы-«косыгинцы» решить не сумели: гибкость цен подменялась задействованием различных суррогатов.

Наиболее яркое и известное проявление ошибочной ценовой политики — поддержание стабильности розничных цен на продовольствие в условиях неуклонного роста затрат на производство агропродукции (и цен на нее); в конечном счете это во многом и спровоцировало возникновение в стране продовольственной проблемы. Так, на фоне поддержания указанной стабильности динамика закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию оказались следующей: в результате реализации решений мартовского (1965 г.) пленума ЦК — 20% прироста; в 1970 г. — 25, в 1979 г. — 12, а в 1983 г. — 16% прироста. К тому же с 1983 г. стали дополнительно применяться ценовые надбавки на продукцию, реализуемую убыточными и низкорентабельными хозяйствами, а параллельно была задействована схема «двух преЙскурантов», когда агропредприятия приобретали средства производства по ценам ниже оптовых цен промышленности, а соответствующая разница покрывалась из госбюджета. Будучи формально направленными на увеличение прибыли сельскохозяйственных производителей, эти меры реально генерировали эффекты противоположного характера: цены утрачивали функцию экономического ориентира, а прибыль — функцию универсального показателя эффективной работы предприятия. Искусственно заниженные розничные цены на продовольствие формировали необеспеченный платежеспособный спрос населения на продукты питания, а удвоение преЙскурантов создавало иллюзию дешевизны материально-технических ресурсов. Надбавки за продукцию убыточных и низкорентабельных хозяйств подрывали стимулы к рентабельной работе, а одна из, казалось бы, благотворных новаций мартовского пленума — повышенная оплата сверхплановой продукции — на деле открывала возможности наращивания прибыли путем занижения плановых заданий по производству продукции в натуральном выражении¹⁴.

¹⁴ Справедливости ради следует отметить, что упомянутая ОГАС-альтернатива тоже не предусматривала пересмотра принципов ценообразования; похоже, данная проблема разработчиками проекта просто игнорировалась. Позднее попытки ее решения предпринимались

4. А.Н. Косыгин и «прорабы перестройки». В общем, реформа 1965 г. видится вполне закономерным с точки зрения истории советской экономики и советской теоретико-управленческой мысли этапом поиска эффективных форм и механизмов плановой организации народного хозяйства. Как известно, этот процесс был приостановлен «ранней» фазой «перестройки» и прерван «поздней» ее фазой, обернувшейся «Великой антисоциалистической революцией 1989—1991 годов», трагические плоды двадцатилетней социально-экономической реализации победы которой мы сегодня пожинаем (задаваясь вопросом о чудовищной «цене», заплаченной народом за эксперименты доморощенных радикальных либералов, разочаровавшихся в плановой системе хозяйства)¹⁵. И хотя авторы обсуждаемой статьи уверены в том, что вектор «косыгинской» реформы, точно так же, как и начавшейся 20 лет спустя реформы «горбачевской», «имел ярко выраженное рыночное направление»¹⁶, приравнивание А.Н. Косыгина к деятелям, продемонстрировавшим удивленному миру невероятно быстрое превращение из «прорабов перестройки (исходно трактовавшейся как обновление социализма)» в «Великих антисоциалистических революционеров», представляется, «политкорректно» говоря, «некорректным».

в рамках разработки «системы оптимального функционирования экономики» (см., например: Львов Д., Овсиенко Ю., Сухотин Ю. Еще раз о реформационном потенциале теории СОФЭ // Российский экономический журнал. — 1996. — № 9), анализ которой выходит за рамки настоящей статьи.

¹⁵ В связи с этим см., в частности: Мелентьев А. «Великая антисоциалистическая революция» рубежа 1980-х — 1990-х: прогноз разрушительных результатов имелся, принципиальная альтернатива предлагалась (о книге 20-летней давности) // Российский экономический журнал. — 2010. — № 2; его же. О войне, чести и бесчестии (еще раз о книге «Все для фронта, все для Победы!» и «совсекретной» публикации Г.Х. Попова) // Российский экономический журнал. — 2010. — № 6. См. также редакционные преамбулы и подстрочные комментарии к материалам введенной с № 4 за 2011 г. рубрики «Из архива «Экономических наук» — «Российского экономического журнала» (в связи с 20-летием гибели советского социализма и распада СССР)».

¹⁶ Российский экономический журнал. — 2011. — № 6. — С. 64.

**Подписные индексы
«Российского экономического журнала»:
в каталоге Агентства «Роспечать» — 71114;
в объединенном каталоге
«Пресса России» (I томе) — 42444**